

Теоретическая и практическая КОНФЛИКТОЛОГИЯ

К. Маркс, Ф. Энгельс

Г. Зиммель

Л. Козер

Р. Дарендорф

Л. Крисберг

Й. Галтунг

Д. Бертон

Р. Фишер

К. Митчелл

Теоретическая и практическая конфликтология

Коллектив авторов

**Теоретическая и практическая
конфликтология. Книга 1**

«Институт Мира и исследования конфликтов»

УДК 316.48 (075.8)
ББК 60.52

Коллектив авторов

Теоретическая и практическая конфликтология. Книга 1 /
Коллектив авторов — «Институт Мира и исследования
конфликтов», — (Теоретическая и практическая конфликтология)

ISBN 978-5-6040100-8-2

Пособие представляет собой свод из переводов известных статей и разделов монографий крупных зарубежных исследователей, интересующихся и разрабатывающих разнообразные проблемы в области предупреждения и урегулирования конфликтов. В статьях раскрываются теоретические и методологические подходы к анализу социальных конфликтов и анализируются практические стратегии их разрешения. Издание предназначено для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, специалистов, работающих в сфере урегулирования конфликтов.

УДК 316.48 (075.8)
ББК 60.52

ISBN 978-5-6040100-8-2

© Коллектив авторов
© Институт Мира и исследования
конфликтов

Содержание

О конфликте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Теоретическая и практическая конфликтология Книга 1

О конфликте Карл Маркс и Фридрих Энгельс

Все цитаты с указанием на том и страницы даны в тексте в круглых скобках по изданию: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Гос. изд-во полит. лит-ры: Т. 1. М., 1954–1955 г.; Т. 2–4. М., 1955; Т. 5, 7. М., 1956; Т. 6, 8–9. М., 1957; Т. 13, 15–16. М., 1959; Т. 18–21. М., 1961; Т. 22. М., 1962; Т. 23. М., 1960; Т. 25, ч. I. М., 1961; Т. 25, ч. II, 27–28. М., 1962. Составитель *А. И. Стребков*

Правоверный дух новой цензурной инструкции и в другой еще форме вступает в конфликт с *рационализмом* старого указа о цензуре. Последний включает в задачи цензуры подавление того, «что оскорбляет *мораль* и добрые нравы». Инструкция приводит это место как *цитату* из статьи 2-й. Но если в отношении религии инструкция в своем *комментарии* содержит некоторые добавления, то в отношении морали этот комментарий не свободен от пропусков. Оскорбление *морали* и *добрых нравов* превращается в нарушение «приличия, обычаев и внешней благопристойности». Мы видим, что *мораль* как *мораль*, как *принцип такого мира*, который подчиняется собственным законам, *исчезает*, и на место сущности вступают внешние проявления, *полицейская благопристойность, условное приличие*. «Кому подобает честь, воздайте честь», – в этом мы видим настоящую последовательность. Специфически христианский законодатель *не может признать мораль* независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признает только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же – только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо *мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же – на его *гетерономии* (Т. 1, с. 13).

Закон о печати есть *действительный закон*, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как *нормальное* состояние печати, печать – как бытие свободы; поэтому-то он вступает в конфликт только с проступками печати как с исключением, которое борется против своей собственной нормы и, таким образом, уничтожает себя (Т. 1, с. 62).

Там, где цензура вступает в открытые, длительные и острые конфликты с печатью, – там можно с известной уверенностью заключить, что печать стала жизнеспособной, приобрела твердость характера и веру в свои силы, ибо только осязаемое действие вызывает и осязаемое противодействие (Т. 1, с. 212).

Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями» (Т. 1, с. 271).

Взаимоотношение государства и гражданского общества, которое осуществляется только посредством конфликта, ярко описывается в работе «К критике гегелевской философии права». Видя этот конфликт Гегель хочет и увидеть тождество гражданского общества и государства, в противном случае, государство превращается в ненужный организм и это тождество он видит в уполномоченных государства в гражданском обществе, эти государственные чиновники исполнительной власти, являются по его мнению подлинным государственным представительством, но как говорит К. Маркс не гражданского общества, а против гражданского общества. Не тождество тем самым установлено, а противоположность, ибо государство имеет свое пребывание не внутри гражданского общества, а вне него, оно лишь соприкасается с гражданским обществом, посредством своих уполномоченных (Т. 1, с. 275) и так далее и тому подобное. Это для коррупции современного чиновника, очень правильно и правдиво. Ничего не меняется и политическая одежда чиновника не монарха, а президента, поменяла символы, сохранив во взаимоотношениях государства и гражданского общества все как было. Гегель прекрасно все это рассказал, а К. Маркс посчитал это великолепным рассказом. Обязательно вернуться в связи с коррупцией.

Итак, когда мы спрашиваем Гегеля, что охраняет гражданское общество от бюрократии, – то он отвечает:

1. «Иерархия» бюрократии. Контроль. То именно, что противник сам связан по рукам и ногам, и если он играет роль молота по отношению к тому, что находится под ним, то является наковальней по отношению к тому, что находится над ним. Но где гарантия против «иерархии»? Меньшее зло, конечно, устраняется большим злом в том смысле, что первое по сравнению с последним не идет в счет.

2. Конфликт, неразрешенный конфликт между бюрократией и корпорациями. Борьба, возможность борьбы, служит гарантией против поражения. Далее (§ 297) Гегель прибавляет еще ту гарантию, которую дают «установления суверенитета сверху», подразумевая под этим опять же иерархию (Т. 1, с. 279).

«Правительственная власть» для Гегеля свелась к «совокупности государственных слуг». Здесь, в сфере «сущего в себе и для себя всеобщего, составляющего сферу самого государства», мы видим лишь неразрешенные конфликты. Экзамен и хлеб чиновников являются последними синтезами.

Бессилие бюрократии, ее конфликт с корпорацией Гегель приводит как высшее оправдание бюрократии (Т. 1, с. 280).

Коллизия между государственным строем и законодательной властью есть не что иное, как конфликт государственного строя с самим собой, противоречие в понятии государственного строя.

Государственный строй есть не что иное, как соглашение между политическим и неполитическим государством; он поэтому в самом себе необходимо есть договор между существенно разнородными силами. Здесь, следовательно, закон не может постановить, чтобы одна из этих сил, часть государственного строя, имела право изменять самый государственный строй, изменять целое (Т. 1, с. 284–285).

Поэтому, когда Гегель спасается от их действительного конфликта в *воображаемое* «органическое единство», – вместо того чтобы раскрывать их как моменты органического единства, – то это является пустой мистической уверткой (Т. 1, с. 286).

Особое внимание привлекает к себе тот или иной вопрос лишь тогда, когда он становится *политическим*, т. е. либо тогда, когда с ним может быть связан вопрос о кабинете министров, стало быть, вопрос о господстве законодательной власти над правительственной властью, либо же, когда речь идет вообще о правах, связанных с политическим формализмом. Чем объясняется это явление? Тем, что законодательная власть есть одновременно представительство политического бытия гражданского общества; тем, что политическая сущность какого-ни-будь

вопроса заключается вообще в его отношении к различным властям политического государства; тем, наконец, что законодательная власть выступает как представитель политического сознания, а это последнее может выявить свой *политический* характер лишь в конфликте с правительственной властью (Т. 1, с. 360).

Мы встретимся позже с вопросом об избирательной реформе в ином виде, а именно со стороны *интересов*. Точно так же мы остановимся позже на других конфликтах, вытекающих из двойственного определения *законодательной власти* (с одной стороны, *депутат* – уполномоченный гражданского общества, а с другой стороны, напротив, он должен выражать именно *политическое* бытие этого общества, *некое специфическое бытие* внутри политического формализма государства) (Т. 1, с. 361).

Из этого конфликта политического государства с самим собой можно поэтому всюду развить социальную истину. Подобно тому, как *религия* представляет оглавление теоретических битв человечества, *политическое государство* представляет оглавление практических битв человечества. Таким образом, политическое государство выражает в пределах своей формы *sub specie rei publicae*¹ все социальные битвы, потребности, истины. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос – например, различие между сословной и представительной системой – нисколько не значит спуститься с *hauteur des principes*², так как этот вопрос лишь выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности (Т. 1, с. 380).

Конфликт, в котором человек, как последователь *особой* религии, находится с самим собой, как с гражданином государства, и с другими лицами, как членами общественного целого, – этот конфликт сводится к *мирскому* расколу между *политическим* государством и *гражданским обществом* <...>

Этот мирской конфликт, к которому в конечном счете сводится еврейский вопрос, это отношение политического государства к своим предпосылкам, – будь то материальные элементы, как частная собственность и т. п., или духовные, как образование, религия, – этот конфликт между *общим* интересом и *частным интересом*, раскол между *политическим* государством и *гражданским обществом* <...> (Т. 1, с. 392).

Другими словами: право человека на свободу перестает быть правом, как только оно вступает в конфликт с *политической* жизнью, тогда как в теории политическая жизнь есть лишь гарантия прав человека, прав индивидуального человека, и потому от нее необходимо отказаться, как только она вступает в противоречие со своей *целью*, т. е. с этими правами человека. Однако практика является лишь исключением, а теория – общим правилом (Т. 1, с. 403).

Как только обществу удастся упразднить *эмпирическую* сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет *невозможным*, ибо его сознание не будет иметь больше объекта, ибо субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловечится, ибо конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием будет упразднен (Т. 1, с. 413).

Невозможно поэтому, чтобы такое государство, как Англия, которое по своей политической исключительности и замкнутости в конце концов отстало на несколько столетий от континента; государство, которое под свободой понимает только произвол и по уши увязло в средневековье, – чтобы такое государство не пришло, наконец, в конфликт с ушедшим за это время вперед духовным развитием. Разве не такова картина политического положения Англии? Есть ли еще хоть одна страна в мире, где феодализм в такой же мере сохраняет свою несокрушенную силу и где он остается нетронутым не только фактически, но и в общественном мнении?

¹ Под формой государства (*лат.*).

² С высоты принципов (*фр.*).

В чем другом заключается прославленная английская свобода, как не в чисто формальном праве делать и поступать как заблагорассудится в рамках, установленных законом? И что это за законы! Хаос запутанных, взаимно противоречащих постановлений, которые свели юриспруденцию к чистой софистике, которые никогда не соблюдаются правосудием, так как они не соответствуют нашему времени, – постановлений, которые допускают, чтобы честный человек за самый невинный поступок был заклеен как преступник, если бы только это допускалось общественным мнением и его правовым сознанием. Разве палата общин не представляет собой чуждую народу корпорацию, избранную с помощью сплошного подкупа? Разве парламент не попирает беспрестанно ногами волю народа? Имеет ли общественное мнение в общих вопросах хотя бы малейшее влияние на правительство? Не ограничивается ли его власть только частными случаями и контролем над юстицией и администрацией? Это все вещи, которых даже самый закоснелый англичанин не станет безоговорочно отрицать. Может ли такое положение вещей удержаться надолго?

Но оставим вопросы, относящиеся к области принципов. В Англии, по крайней мере, среди партий, которые теперь оспаривают друг у друга господство, среди вигов и тори, не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов (Т. 1, с. 499).

Ближайшим следствием частной собственности является *торговля*, взаимный обмен предметами необходимости, купля и продажа. При господстве частной собственности эта торговля, как и всякая другая деятельность, должна стать непосредственным источником дохода для торговца; это значит, каждый должен стараться как можно дороже продать и как можно дешевле купить. Следовательно, при всякой купле и продаже выступают друг против друга два человека с абсолютно противоположными интересами; конфликт носит решительно враждебный характер, ибо каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Поэтому первым следствием торговли является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой – оправдание этого недоверия, применение безнравственных средств для достижения безнравственной цели. Так, например, первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара. Отсюда вывод: в торговле дозвоительно извлекать возможно большую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и равным образом дозвоительно приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Словом, торговля есть узаконенный обман. Что практика соответствует этой теории, сможет подтвердить всякий купец, если он захочет воздать должное правде (Т. 1, с. 548).

С этого момента чартизм стал чисто рабочим движением, освободившимся от всяких буржуазных элементов. Органы печати, требовавшие «полного» избирательного права, – «Weekly Dispatch», «Weekly Chronicle», «Examiner» и др. – мало-помалу впали в тот же бесцветный тон, что и остальные либеральные газеты, защищали свободу торговли, нападали на десятичасовой билль и на все специально рабочие требования и вообще обнаруживали мало радикализма. Во всех конфликтах радикальная буржуазия становилась на сторону либералов против чартистов и вообще в центре своего внимания ставила вопрос о хлебных законах, который для англичан является не чем иным, как вопросом о свободной конкуренции. Благодаря этому радикальная буржуазия совершенно подпала под влияние либеральной буржуазии и играет сейчас в высшей степени жалкую роль (Т. 2, с. 457–458).

После того как святой Санчо свел таким образом все противоречия и коллизии, в которых находится индивид, к противоречиям и коллизиям этого индивида с каким-либо из его представлений, сделавшимся независимым от него и подчинившим его себе, а потому и «легко» превращающимся в представление *как таковое*, в святое представление, в Святое, – после этого индивиду остается еще только одно: совершить грех против святого духа, отвлечься от этого представления и объявить Святое призраком. Это логическое надувательство, которое индивид проделывает над самим собой, представляется нашему святому одним из наивысших,

усилий эгоиста. Однако всякий поймет, как легко таким путем, исходя из эгоистической точки зрения, все совершающиеся исторические конфликты и движения объявить второстепенными, не зная о них ровным счетом ничего, – для этого нужно только выдернуть несколько фраз, обычно употребляемых в таких случаях, превратить их указанным способом в «Святое», изобразить индивидов как находящихся в подчинении у этого Святого и затем выступать в качестве человека, презирающего «Святое как таковое» (Т. 3, с. 277–278).

Вся критика права у святого Санчо ограничивается в вышеприведенных антитезах тем, что он объявляет *цивилизованное* выражение правовых отношений и цивилизованное разделение труда плодом «навязчивой идеи», Святого, а варварское выражение конфликтов и варварский способ их улаживания, наоборот, сохраняет *для себя*. Для него все дело *только в названиях*; самого же дела он совершенно не касается, так как не знает действительных отношений, на которых основываются эти различные формы права, и так как в юридическом выражении классовых отношений он видит только идеализированные названия прежних варварских отношений (Т. 3, с. 337).

И снова иеремиады против государства! И снова теория пауперизма! В качестве «Я» он «создает» сперва «муку, полотно или железо и уголь», тем самым уничтожая, одним махом, разделение труда. Затем он начинает «пространно» «жаловаться» на то, что его труд не оплачивается по своей стоимости, и прежде всего вступает в конфликт с теми, кто оплачивает труд. Затем на сцену появляется государство в роли «умиротворителя».

Если Я не довольствуюсь ценой, которую оно» (т. е. государство) «устанавливает на мой товар и труд, если Я сам стремлюсь установить цену Своего товара, стремлюсь сам к тому, чтобы эта цена была Мне выплачена, то Я вступаю в конфликт прежде всего (великое «Прежде всего»! – не с государством, а только) «с покупателями товара» (Т. 1, с. 337).

А когда он хочет войти в «прямые сношения» с этими покупателями, т. е. «схватить их за глотку», государство тотчас же «вмешивается», «отрывая человека от человека» (хотя дело шло не о «человеке вообще», а о рабочем и работодателе или же – что он постоянно смешивает – о покупателе и продавце товаров); и притом государство делает это с коварным умыслом – «встать посредине в качестве *духа*» (разумеется, святого духа).

С рабочими, желающими получить большую плату, обращаются, как с преступниками, лишь только они пожелают *вырвать* ее (Т. 1, с. 337).

Здесь перед нами снова целый букет бессмыслиц. Господин Сениор мог бы не писать своих писем о заработной плате, если бы он предварительно завязал «прямые сношения» со Штирнером, тем более, что в этом случае государство, конечно, не «оторвало бы человека от человека» (Т. 3, с. 356–357).

То, что «с рабочими, которые хотят вырвать более высокую заработную плату», в Англии, Америке, Бельгии вовсе не обращаются непременно как с «преступниками» и что, наоборот, они довольно часто этой более высокой платы добиваются на деле, – это опять-таки не известный факт, благодаря чему вся легенда о заработной плате идет насмарку. То, что рабочие, даже если бы государство не «встало посредине», ничего бы не добились, «схватив за глотку» своих работодателей, во всяком случае добились бы гораздо меньшего, чем путем ассоциаций и забастовок, – разумеется, пока они остаются рабочими, а их противники капиталистами, – это тоже факт, который можно было наблюдать даже в Берлине. Точно так же не нуждается в доказательстве и то, что основанное на конкуренции буржуазное общество и его буржуазное государство в силу всей своей материальной основы не могут допустить между гражданами никакой иной борьбы, кроме конкуренции, а как только люди начинают «хватать друг друга за глотку», общество и государство выступают не в виде «духа», а как вооруженные штыками (Т. 3, с. 357).

Когда дворянство было свергнуто дальнейшим ходом развития, и буржуазия вступила в конфликт со своей противоположностью, пролетариатом, дворянство сделалось ханже-

ски-религиозным, а буржуазия – возвышенно-моральной и строгой в своих теориях, либо же впала в упомянутое выше лицемерие, хотя дворянство на практике вовсе не отказалось от наслаждений, а у буржуазии наслаждение приняло даже официальную экономическую форму – форму *роскоши* (Т. 3, с. 357).

Прусское право, между прочим, представляет собой неисчерпаемый источник напряженных конфликтов и поразительных эффектов. Одно только законодательство, касающееся развода, алиментов и девичества, – не говоря уже о главах, касающихся противоестественных удовольствий, – дает немецкой романической промышленности сырье на сотни лет. Притом нет ничего более легкого, чем поэтически обработать один из таких параграфов; коллизия и ее исход уже даны в готовом виде, остается добавить только детали, которые берутся из первого попавшегося романа Булвера, Дюма или Сю, кое-что к ним приделывается – и рассказ готов (Т. 3, с. 576).

По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии разворачивается борьба, которая, прежде чем обе стороны это почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата* (Т. 4, с. 144).

Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить специальную подготовку рабочих. После каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина. Рабочий же столь мало видел в применении машин свою реабилитацию, или свое *восстановление*, как утверждает г-н Прудон, что в XVIII веке он долго оказывал сопротивление зарождавшемуся господству автоматически действующего механизма (Т. 4, с. 157).

Г-н Гейнцен заявляет, что не он начал спор с коммунистами, а они с ним. Мы имеем перед собой, таким образом, известный аргумент в стиле грузчика, по поводу которого мы с ним препираться не будем. Он называет свой конфликт с коммунистами «бессмысленным расколом, который коммунисты вызвали в лагере немецких радикалов». Гейнцен утверждает, что он уже три года тому назад стремился всеми силами и всеми возможными средствами предотвратить надвигающийся раскол. Эти бесплодные усилия имели-де своим следствием нападки коммунистов на него (Т. 4, с. 277).

Монархи, или монархия, рассказывает он, являются «главными виновниками всех бедствий и нищеты». Там, где монархия упразднена, отпадает, разумеется, и этот способ объяснения, так что *рабство*, которое привело к гибели античные республики, рабство, которое приведет к страшнейшим конфликтам в южных штатах североамериканской республики, могло бы воскликнуть словами Джона Фальстафа: «Ах, если бы аргументы были так же дешевы, как ежевика!» (Т. 4, с. 304–305).

Мало того. Эти дюжие, упрямые альпийские пастухи были вскоре наказаны еще совсем другим образом. Они освободились от господства австрийского дворянства, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских мещан. Эти мещане заметили, что коренные швейцарцы так же сильны и так же глупы, как и их быки. Они вошли в Швейцарский союз и с тех пор преспокойно сидели дома за прилавком, в то время как твердолобые пастухи с оружием в руках разрешали все их конфликты с дворянством и князьями (Т. 4, с. 351).

Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех *национальных и промышленных конфликтов*, которые в настоящее время порождают вражду между народами. Вот почему победа пролетариата над буржуазией является одновременно сигналом к освобождению всех угнетенных наций (Т. 4, с. 371).

Современное движение в Италии носит такой же характер, как то, которое происходило в Пруссии в 1807–1812 годах. Так же, как в то время в Пруссии, речь идет о двух вещах: внешней независимости и внутренних реформах. Пока что не требуют конституций, а добиваются только административных реформ; до поры до времени избегают всяких серьезных конфликтов с правительством для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом превосходящих иноземных сил. Но какого рода эти реформы? Кому они должны пойти на пользу? Прежде всего буржуазии. Печати предоставляются льготы; бюрократию заставляют служить интересам буржуазии (см., например, сардинские реформы, римская консульта и реорганизация министерств); буржуа получают более широкое влияние на местное управление, а произвол дворянства и бюрократии ограничивается; буржуазия *приобретает вооруженную силу* в виде гражданской гвардии. До настоящего времени все реформы были и могли быть исключительно реформами в интересах буржуазии. Можно сравнить с ними прусские реформы наполеоновского периода. Последние носили точно такой же характер, однако во многих отношениях шли еще дальше: администрация была подчинена интересам буржуазии, произвол дворянства и бюрократии был пресечен, вводилось положение о городском самоуправлении, учреждался ландвер, отменялись барщинные повинности. Как в Пруссии того времени, так и сейчас в Италии буржуазия становится – благодаря своему растущему богатству, а особенно благодаря возрастающему значению промышленности и торговли для жизни всего народа – тем классом, от которого главным образом и зависит освобождение страны от чужеземного господства (Т. 4, с. 463).

Мы не выставляем утопического требования, чтобы *a priori* была провозглашена *единая, неделимая германская республика*, но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешивала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство, как и германская конституция могут быть осуществлены лишь в результате движения, в котором решающими факторами будут как внутренние конфликты, так и война с Востоком. Окончательное конституирование не может быть *декретировано*; оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать. Поэтому дело идет не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи; дело идет о понимании хода развития. Национальное собрание должно сделать лишь практически возможные в ближайшее время шаги (Т. 5, с. 41).

Конфликты, возникающие из самих условий буржуазного общества, должны быть *преодолены в борьбе*, их нельзя устранить с помощью фантазии. Лучшая форма государства – та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно, следовательно, только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства – та, в которой эти противоречия доходят до открытой борьбы и тем самым находят свое разрешение (Т. 5, с. 141).

Подобные конфликты между служебным долгом и интересами старых чиновников могут каждый день происходить и в других провинциях (Т. 5, с. 200).

Фридрих Геккер возлагает все надежды на магическое действие отдельных *личностей*. Мы возлагаем все надежды на конфликты, вытекающие из экономических *отношений*. Фридрих Геккер уезжает в Соединенные Штаты, чтобы изучать там «республику». «*Neue Rheinische Zeitung*» находит в грандиозной классовой борьбе внутри *Французской республики* более интересный предмет для изучения, чем в такой республике, где на Западе классовой борьбы еще нет совсем, а на Востоке она разворачивается пока лишь в старой, бесшумной английской форме. Для Фридриха Геккера социальные вопросы вытекают из политических боев, для «*Neue Rheinische Zeitung*» *политические бои* суть только формы проявления *социальных конфликтов*. Фридрих Геккер мог бы быть хорошим трехцветным республиканцем. Настоящая оппозиция «*Neue Rheinische Zeitung*» начнется только при трехцветной республике (Т. 5, с. 477).

Те и другие выборы уже в достаточной мере показывают, как различен дух обеих палат и как неизбежны в скором времени расхождения и конфликты между ними (Т. 6, с. 6).

Речь идет здесь не об обычном конфликте между министерством и парламентской оппозицией, речь идет не о конфликте между людьми, которые были министрами, и людьми, которые хотели стать министрами, речь идет не о партийной борьбе двух политических фракций в одной законодательной палате. Возможно, что так думали члены Национального собрания, принадлежавшие к большинству или к меньшинству. Но решающим является здесь не мнение соглашателей, а реальное историческое положение Национального собрания, как оно сложилось в результате европейской революции и обусловленной ею мартовской революции. То, что здесь происходило, не было *политическим конфликтом* двух фракций на почве одного общества – это был *конфликт между двумя обществами*, социальный конфликт, принявший политическую форму, – это *была борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом*, борьба между обществом свободной конкуренции и обществом *цехового строя*, между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания. Соответствующим *политическим* выражением старого общества была корона божьей милостью, опекающая все и вся бюрократия, самостоятельная армия. Соответствующей *социальной* основой этой старой политической власти было привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая патриархальная или организованная на цеховых началах промышленность, обособленные друг от друга сословия, резкая противоположность между городом и деревней и прежде всего господство деревни над городом (Т. 6, с. 267–268).

Отказ от уплаты налогов является лишь признаком *раскола* между короной и народом, лишь доказательством того, что *конфликт* между правительством и народом достиг напряженной, угрожающей степени. Не он вызывает *раскол* и *конфликт* – он только свидетельствует об их наличии. В наиболее серьезных случаях он влечет за собой свержение существующего правительства, существующего политического строя. Устои общества этим совершенно не затрагиваются. Так и в данном случае отказ от уплаты налогов являлся именно средством самообороны общества от правительства, угрожавшего его устоям (Т. 6, с. 271).

Но как ни различен был *социализм* главных составных элементов «партии анархии», смотря по экономическим условиям и вытекающим из них общим революционным потребностям того или другого класса или фракции класса, – в *одном* пункте он совпадал: он объявлял себя *средством освобождения пролетариата* и провозглашал это освобождение своей *целью*. Сознательный обман у одних, самообман у других, которые убеждены, что мир, переустроенный сообразно их потребностям, есть лучший из миров для всех, что он осуществляет все революционные требования и устраняет все революционные конфликты (Т. 7, с. 90).

Понятно, что в предстоящих *кровавых конфликтах*, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, своей решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет

по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвижение вперед по отношению к вооруженному пролетариату и продиктовать им такие условия, при которых господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно гибели и последующее вытеснение его господством пролетариата будет значительно облегчено. Во время *конфликта и непосредственно по окончании борьбы* рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны действовать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы (Т. 7, с. 262–263).

Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как и в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который должен будет проделать тот же кругооборот обнищания и растущей задолженности, в котором еще находится теперь французский крестьянин.

Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности принцип общей собственности немедленно же станет на твердую почву. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом. Далее, демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся избежать единой и нераздельной республики, постараются по крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам и провинциям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального самоуправления, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всю свою мощь может быть развернута только из центра. – Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, при котором немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой провинции. Менее всего можно допускать, чтобы с помощью так называемого свободного местного самоуправления была бы увековечена общинная собственность, – форма собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее, – а вместе с тем были бы увековечены возникающие из этой общинной собственности тяжбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами, против

рабочих. Как во Франции в 1793 г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии³ (Т. 7, с. 265–266).

И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов, как и более поздние *внутренние конфликты* в Англии и Франции. Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени (Т. 7, с. 360).

Собрание свело конфликт к спору с министром внутренних дел по вопросу о том, кому принадлежит право назначения и смещения полицейского комиссара (Т. 8, с. 174). <...> когда борьба представляет, так сказать, лишь парламентский, местный интерес. Тогда прорывается затаенная ярость партии порядка, тогда она сдергивает полог с кулис, срывает маску с президента, объявляет республику в опасности, но тогда и ее пафос кажется нелепым, повод к борьбе – лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря оказывается бурей в стакане воды, борьба – интригой, *конфликт* – *скандалом* (Т. 8, с. 175).

Существует категория филантропов и даже социалистов, которая считает забастовки весьма вредными для интересов «самых рабочих» и усматривает свою главную задачу в том, чтобы изыскать способ обеспечения постоянных средних ставок заработной платы. Не говоря уже о том, что наличие промышленных циклов с их различными фазами делает невозможными какие-либо средние ставки подобного рода, – я, в противоположность этому взгляду, убежден, что попеременные повышения и падения заработной платы и возникающие на этой почве *постоянные конфликты* между хозяевами и рабочими являются при современной организации производства необходимым средством для того, чтобы пробудить энергию трудящихся, сплотить их в единый великий союз на борьбу против посягательств правящего класса и не допустить их превращения в апатичные, тупые, более или менее сытно накормленные орудия производства. При общественном строе, основанном на антагонизме классов, тот, кто хочет воспрепятствовать рабству не только на словах, но и на деле, должен решиться на войну. Чтобы правильно оценить значение забастовок и рабочих союзов, мы не можем позволить ввести себя в заблуждение тем обстоятельством, что их экономические результаты внешне незначительны, – мы должны иметь в виду прежде всего их моральные и политические последствия. Если бы не было сменяющих друг друга продолжительных фаз застоя, процветания, лихорадочного возбуждения, кризиса и крайнего упадка, через которые проходит современная промышленность в своих периодически повторяющихся циклах, если бы не было обусловленного этой сменой фаз повышения и понижения заработной платы и постоянной, тесно связанной с этими колебаниями заработной платы и прибыли, войны между хозяевами и рабочими, рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, умственно отсталой, внутренне опустошенной, покорной массой, для которой освобождение собственными силами было бы так же невозможно, как для рабов Древней Греции и Рима. Мы не должны забывать, что заба-

³ В настоящее время надо заметить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что Конвент пользовался ею, как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что все управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, которые избирались самими управляемыми и пользовались полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, в такой мере, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической, национальной централизации, настолько же не обязательна его связь с тем ограниченным кантональным или коммунальным эгоизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южногерманские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии в 1849 году (*Примечание Энгельса к изданию 1885 г.*).

стовки и объединения крепостных явились источниками возникновения средневековых коммун и что эти коммуны были, в свою очередь, колыбелью ныне правящей буржуазии (Т. 9, с. 175).

Теперь уже нельзя возлагать на аристократов-протекционистов ответственность за все аномалии промышленной системы и за те *грозные конфликты, которые сама эта система порождает в своих недрах*, ибо уже прошло почти восемь лет как существует свобода торговли, введенная при необычайно благоприятных обстоятельствах, при наличии Калифорнии и Австралии – этих двух золотиносных миров, как бы экспромтом созданных силой вдохновения современного *демиурга*. Так постепенно, шаг за шагом, промышленная буржуазия своими собственными руками разрушала все заботливо выращенные иллюзии, которые она могла бы использовать в час опасности, для того чтобы отвлечь возмущенный рабочий класс от его подлинного врага и направить его возмущение против врага самих промышленных магнатов – против земельной аристократии. В 1853 г. было покончено с лицемерным обманом, к которому прибегали хозяева, и с наивными иллюзиями, которые питали рабочие. Война между обоими этими классами приобрела острые формы, стала открытой, официально признанной и для всех очевидной. «Дело идет, – восклицают хозяева в одном из своих последних манифестов, – уже не о *заработной плате*, а о том, *кто должен господствовать*». Манчестерские либералы наконец сбросили с себя львиную шкуру. Они добиваются лишь одного – господства для капитала и рабства для труда (Т. 9, с. 455).

Углекопы поступили, конечно, неправильно, применив по отношению к своим товарищам-рабочим насилие, чтобы помешать им делать ту работу, которую они прекратили. Но когда мы видим, как хозяева взаимно обязуются штрафовать друг друга на большие суммы, чтобы заставить всех присоединиться к *локауту*, вряд ли приходится удивляться тому, что рабочие более грубо, но менее лицемерно применяют силу для проведения своей *стачки*! Сам г-н Джозеф Юм заявляет в письме, адресованном престонским рабочим: «Среди сторонников *урегулирования конфликтов* между нациями *посредством арбитража*, а не войны, я вижу многих хозяев-фабрикантов, воюющих в настоящее время со своими рабочими» (Т. 9, с. 466).

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже «Deutsch-Französische Jahrbucher»⁴. Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной

⁴ Немецко-французский ежегодник (нем.)

ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства – от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из *существующего конфликта* между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества (Т. 13, с. 30–32).

Антивоенное движение *английского народа* крепнет и ширится с каждым днем. Многолюдные митинги в самых различных частях страны настаивают на *третьем* урегулировании конфликта между Англией и Америкой (Т. 15, с. 447).

Известие о *мирном разрешении конфликта* в связи с «Трен-том» было с восторгом встречено огромным большинством английского народа, что неопровержимо доказывает непопулярность угрожавшей войны и страх перед ее последствиями. Соединенные Штаты не должны никогда забывать, что, по крайней мере, *рабочий класс* Англии за все время от начала до конца конфликта ни разу не оставлял их. Его вмешательством объясняется тот факт, что, несмотря на ежедневные злостные подстрекательства со стороны продажной и безответственной печати, в Соединенном королевстве не удалось провести ни одного массового митинга в пользу войны за все то время, когда мир висел на волоске (Т. 15, с. 450).

О политических конфликтах впервые упоминается в «Заявлении К. Маркса в связи с отказом восстановить его в прусском подданстве».

Амнистия *не делает различия* между этими двумя способами потери прусского подданства. Она не делает также никакого различия между эмигрантами 1848–1849 гг. и эмигрантами более раннего периода; она не делает различия между теми, которые потеряли право прусского гражданства в результате конфликтов 1848 г., и теми, которые потеряли его вследствие политических конфликтов предыдущих лет.

Всем политическим эмигрантам, независимо от того, к какому времени относятся их политические конфликты и вследствие этого потеря права гражданства, гарантируется «бес-

препятственное возвращение»; все они восстанавливаются по указу в своих прежних правах гражданства (Т. 15, с. 654).

«Irrepressible conflict» («неотвратимый конфликт») – выражение, употребленное Сьюардом в его речи в Рочестере (штат Нью-Йорк) в октябре 1858 г. и получившее широкую популярность; Сьюард имел в виду непримиримость противоречий между Югом и Севером и неизбежность их столкновения в будущем (Т. 15, с. 391).

Что же касается социальной революции, то что она означает, как не борьбу классов? Возможно, что борьба между рабочими и капиталистами будет менее жестокой и менее кровопролитной, чем в свое время борьба между феодальными сеньорами и капиталистами в Англии и во Франции. Хотелось бы на это надеяться. Но во всяком случае, хотя подобный социальный кризис может усилить энергию западных народов, он вызовет в то же время, как и всякий внутренний конфликт, нападение извне. Он снова наделит Россию той ролью, какую она уже играла во время антиякобинской войны и со времени возникновения Священного союза, – роль предназначенного свыше спасителя порядка (Т. 16, с. 208).

Приведенные нами выше резолюции относятся к вновь образуемым секциям; следующие резолюции – к секциям уже признанным:

VI. Генеральный Совет имеет также право временно исключить секцию Интернационала впредь до очередного конгресса.

VII. Генеральный Совет имеет право *разрешать конфликты*, возникающие между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами; за сторонами остается право обжаловать это решение на очередном конгрессе, где должно быть вынесено окончательное решение.

Эти две статьи необходимы на крайний случай, однако до сих пор Генеральный Совет никогда их не применял. Приведенный выше исторический обзор свидетельствует о том, что Генеральный Совет ни разу не прибегал к временному исключению секции и что в случае конфликтов он действовал только в *качестве арбитра, призванного обеими сторонами* (Т. 18, с. 37).

Но в это время капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера, – конфликты не только между созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов. Если, следовательно, около 1800 г. конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были тогда средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть и смогли таким образом привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность длительного господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху.

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории (Т. 19, с. 193).

Способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще и поныне. Его придерживались до недавнего времени все французские и английские социалисты, а также прежний немецкий коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин *разрешение конфликта* возможно лишь путем *сглаживания* их взаимных противоречий. Из этого не могло получиться ничего, кроме некоторого рода эклектического межеумочного социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собой смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе, – смесь, которая допускает крайне разнообразные оттенки и которая получается тем легче, чем больше ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву (Т. 19, с. 201).

Все эти процессы и все эти методы мышления не укладываются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, для которой существенно то, что она берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, – такие процессы, как вышеуказанные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод исследования. Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно снова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а, следовательно, также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей (Т. 19, с. 205).

Поэтому социализм теперь стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов – пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а, следовательно, и справиться с ним, – он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе про-

изводства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии ясно указать, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой – в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конечном счете и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство и как производится капитал.

Этими двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях (Т. 19, с. 208–209).

Но точно так же, как в свое время мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже переросли буржуазную форму их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей – подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью, – а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого *фактического конфликта*, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, – рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

Во-первых, вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они по-прежнему оставались средствами производства и продуктами отдельных лиц. Если до сих пор собственник средств труда присваивал продукт потому, что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукт, хотя последний являлся уже не *его* продуктом, а исключительно *продуктом чужого труда*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто действительно приводил в движение средства производства и действительно был производителем этих продуктов, а *капиталистом*. Средства производства и производство по существу стали общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылки. *В этом противоречии, которое придает новому способу производства его капиталистический характер, уже содержатся зародыше*

все коллизии современности. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех экономически господствующих странах, сводя тем самым производство отдельных производителей к незначительным остаткам, тем резче должна была выступать и несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением (Т. 19, с. 213–214).

Во-вторых, наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника. Работник, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса пожизненных наемных рабочих к тому же чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному крушению феодального строя, роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и т. д. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, с одной стороны, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны, Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией (Т. 19, с. 214–215).

В-третьих, особенность каждого общества, основанного на товарном производстве, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися у него средствами производства и для своей индивидуальной потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве этот продукт вообще может найти потребителей; никто не знает, существует ли действительная потребность в производимом им продукте, окупятся ли его издержки производства, да и вообще будет ли его продукт продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, внутренне присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи – в обмене – и действуют на отдельных производителях как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и могут быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями (Т. 19, с. 215).

А между тем главное орудие, с помощью которого капиталистический способ производства усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: *это была растущая организация производства* как производства общественного на каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в ту или иную отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. *Поле труда стало полем битвы* (Т. 19, с. 216). Борьба разгоралась уже не только между местными отдельными производителями; местные схватки разрослись, в свою очередь, до размеров борьбы между нациями, до торговых войн XVII и XVIII веков (Т. 19, с. 141). Наконец, крупная промышленность и возникновение мирового рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время (Т. 19, с. 216) придали ей неслыханную ожесточенность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраняются. Это – дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная – с удесятеренной яростью – из природы в общество. Естествен-

ное состояние животных выступает как венец человеческого развития. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе* (Т. 19, с. 217).

В-четвертых, та же движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда... Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию, как я назвал ее еще в 1845 г., поступающую в распоряжение (Т. 19, с. 217) производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую в результате неизбежно следующего за этим краха; эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым мощным боевым средством капитала против рабочего класса, что средство труда постоянно вырывает из рук рабочего жизненные средства и собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда с самого начала является, вместе с тем, беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в потенциальное рабочее время для увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету *гоняющаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный внутренний рынок*. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления капитала, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал (Маркс К. Капитал. С. 671). Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном – водород (Т. 19, с. 218).

В-пятых, мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно *улучшать свои машины, постоянно* (Т. 19, с. 218) *увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства*. Огромная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается настоящей детской забавой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять эту промышленность и качественно, и количественно, – потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это *противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности*. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Рас-

ширение рынков не может поспевать за расширением производства. *Коллизия становится неизбежной*, и так как она *не в состоянии разрешить конфликт* до тех пор, пока *не взорвет самый капиталистический способ производства*, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг» (Т. 19, с. 2019).

В-шестых, в кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения – деньги – становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют наизуоборот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена...* Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, жизненные средства, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, – все элементы производства и общего благосостояния имеются в изобилии. Но «изобилие становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно оно-то и препятствует превращению средств производства и жизненных средств в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим – трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил (Т. 19, с. 220).

В-седьмых, если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ, трестов и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме заграбления доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если *раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих*, то теперь он *вытесняет и капиталистов*, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист (Т. 19, с. 222).

Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на выс-

шей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы
не разрешает конфликта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.